

Сергей Ташевский

ИСТОРИЯ КАПЛИ ЖИВОЙ ВОДЫ

Натурфилософская сказка

Сергей Ташевский

История капли живой воды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ташевский С. В.

История капли живой воды / С. В. Ташевский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вряд ли вы знаете, каково это – просачиваться сквозь песок, продавливаясь сквозь побег бамбука, крутиться в ядерном реакторе, бороться с вирусом в желудке маленькой девочки и путешествовать вместе с глистом в зобе перелётного журавля. Но поверьте, это лучше, чем лежать миллиарды лет в ледяной тюрьме Антарктиды, вечно лететь в холодном космосе на комете или крутиться в водяных часах, отмеряя время. Если вам надоели сказки, в которых нет ни капли правды, и правда, в которой нет ни капли сказки, самое время вырваться на свободу, сделав «фьють» с маленькой каплей воды.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ РЕЗВИТСЯ И ДЕЛАЕТ «ФБЮТЬ»	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. КАПЛИ ЛЕТАТ И БОЛТАЮТ О ПУСТЯКАХ, ПОКА НЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В...	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ НА МОТОЦИКЛЕ РАССКАЗЫВАЕТ МАЛЬЧИКУ ПРО МАРСИАНСКИЙ НОВЫЙ ГОД	10
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЕЙ ТУШАТ ПОЖАР	14
ГЛАВА ПЯТАЯ. ГРОЗА	17
ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ РАЗНЫЕ КАПЛИ ДЕЛЯТСЯ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИМИ ИСТОРИЯМИ	20
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПРО ВЕЧНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ ВОДЫ. НУ, ПОЧТИ ВЕЧНОЕ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ РЕЗВИТСЯ И ДЕЛАЕТ «ФЬЮТЬ»

Жила в океане капля. Конечно, не одна. В океане столько капель, что ни один компьютер не сосчитает.

Да и что их считать? Какое дело людям до капли?

Вот океан – это, конечно, серьёзная штука. Шумит, бурлит, корабли топят. А капли – они и есть капли, все одинаковые. Про них даже поговорка есть: «похожи, как капли воды».

Глупая, кстати, поговорка.

Когда чего-то много, людям кажется, будто это одинаковые мелкие штучки. Много песчинок, например. Или много муравьёв. Людям и про себя так кажется, когда они утром в метро на работу едут. Но нельзя найти две одинаковые частички песка, или двух совсем одинаковых муравьёв. А людей – тем более.

Вот так же и капли в океане. Трудно поверить, но двух похожих нет. У каждой – свой характер, своя жизнь. И своя история.

У нашей капли характер был весёлый и любопытный. Может, потому ей не сиделось на месте. В холодной морской глубине, где живут только гигантские кальмары, она скучала, разогревалась от нетерпения, и все больше стремилась наверх.

– Куда ты торопишься?! – ворчали другие капли. – Вот поднимешься к поверхности, и испаришься! Фьють! Поминай как звали.

– Что значить фьють? Меня больше не будет?

– Ну как тебе сказать, – отвечали холодные капли. – Как тебе сказать...

Но их голоса звучали все слабее, потому что капля двигалась вверх. Вокруг становилось теплее от дыхания других весёлых капель, крутившихся в азартном танце.

– Полетели! Полетели! – кричали они.

– Куда мы летим?

– К волнам! К течениям! К серебряному солнечному блеску! Давай, давай!

– А вы не бойтесь, что... Фьють?

– А-ха-ха! – смеялись весёлые капли. – Ну что за глупости! Выскакивай и запрыгивай! Бульк! Бульк! Не бойся, «фьють» холодные донные воды придумали. Делай как мы, все будет хорошо.

И правда, когда они достигли поверхности, начался настоящий праздник. По океану гуляли волны, и капли, сливаясь друг с другом, стремительно летали на их гребнях, а потом рассыпались порознь, превращаясь в красивую белую пену. Так они резвились все утро, пока ветер не стих. Волны сделались медленными и пологими, вода – вязкой от усталости.

– Уфф... Хорошо повеселились! – выдохнула капля, блаженно растянувшись на поверхности и греясь под лучами солнца. – Ой... Что это такое? Это же...

– Фьють! – прозвучало где-то, и капля почувствовала, как невидимая сила отрывает её от воды. Тело стало длинным-длинным, превращаясь в призрачную струйку пара.

– Какой кошмар! – только и успела подумать она. – Прощай, родной океан! Что теперь будет? Куда я лечу?

– В облако! – закричала другая капля, чей дымчатый хвостик мелькнул на мгновение рядом. – Мы летим в облако! Надеюсь, не в грозовое!

Капля посмотрела вниз, и ахнула. Океан стремительно удалялся, волны с высоты казались мелкими кошачьими царапками. Зато сверху приближалось что-то белое и пушистое. Облако!

– Ну вот, устраивайся поудобней! – наперебой защебетали капли-призраки, теснившиеся внутри мохнатого кучевого облака. – Это наш воздушный корабль! Мы отправляемся в большое путешествие! Ты готова?

– Я не знаю... – пробормотала капля. – А надолго мы тут? Когда это кончится?

– Когда кончится? После дождичка в четверг! Ха-ха-ха!

Подул ветерок, и облако, как огромный дирижабль, медленно двинулось вперёд. Весёлые капли в прозрачных рубашках из пара продолжали развлекаться, они кувыркались, суетились и вытягивали облако в разные стороны, меняя его форму. То оно превращалось в огромного кита, то в дракона, то в чей-то прекрасный профиль, нарисованный в небе.

А внизу между тем пейзаж менялся минута за минутой. Незаметно промелькнул берег океана, где волны лизали песок мокрыми языками, выбрасывая на берег одни капли и забирая назад другие. Началась суша.

Для воды суша – как для нас океан. Место загадочное и красивое, но немного тревожное. От волнения капли прижимались в облаке ближе друг к другу, а некоторые даже сливались с соседками, тяжелели и падали вниз.

– Эй! Не бояться! Не сливаться! – кричали им те капли, что постарше и поопытней. – Иначе мы сейчас прольёмся дождём! Разбегайтесь в стороны! Раз-два!

В конце концов другие капли их послушались, оттолкнулись друг от друга, расплелись в тонкие ниточки пара – и облако, которое уже почти почернело снизу, набухая дождём, снова превратилось в милого белого барашка.

– Мме! – дурачась, закричали весёлые капли. – Поехали дальше!

Облако летело по небу, а его тень быстро бежала по земле, перепрыгивая леса, мосты, автомобильные дороги. Сама земля внизу, особенно на распаханых полях, казалась жадной и сухой, будто смотрела снизу на облако и хотела его выпить.

– Ну уж нет! Перебьёшься! – усмехалось облако и летело своей дорогой. Впрочем, земля не очень-то на него рассчитывала: все ведь знают, что из белых кучевых облаков дождя почти никогда не бывает. Они в небе просто так, для красоты.

А между тем наступал вечер, и чем ниже клонилось к горизонту солнце, тем ниже опускалось облако, и его брюшко снова стало темнеть. Ветер почти стих, и вот внизу показался небольшой городок, с маленькими аккуратными домами и улицами, мощёными булыжником. Он оказался так близко, что можно было разглядеть вывески на магазинах и пухлых ангелов, украшавших фасад старинной церкви. Несколько прохожих, стоявших посреди площади, о чем-то горячо спорили:

– Пойдёт!

– Нет, не пойдёт!

Наконец один из них посмотрел на небо и решительно открыл зонт.

– Смотрите, он открыл зонтик! Давайте сделаем кап! – крикнула сверху одна из капель.

– Давайте не будем! – возразила другая.

– Давайте капать! Давайте!

– Нет! Одумайтесь! Ни за что!

– Я хочу кап! И я!

В конце концов из этого спора и неразберихи капля по капле начался дождик. Сперва неохотный, а потом очень даже охотный. Каждая капля летела вниз, стараясь попасть в какую-нибудь цель. Конечно, большинство метили в мужчину с зонтом.

Но не всем каплям это нравилось. Некоторые не спешили падать на землю, а наоборот перебирались повыше, к верхнему краю облака.

– Пусть капает, если так не терпится! – ворчали они на дождевых выскочек. – Чего мы на этой земле не видели! Кто как хочет, а мы полетели дальше!

И наша капелька после недолгих раздумий решила, что они правы. Куда спешить? Ведь путешествие только началось!

Она распушила свою рубашку из пара и поднялась туда, где с края облака открывался прекрасный вид на город и заходящее за горизонт солнце. Едва она оказалась наверху, как солнечные лучи лизнули её холодными нежными языками, и внутри как будто что-то запело от восторга. Другие капли, её соседки, тоже преобразились: они сверкали и переливались в свете заходящего солнца, и в каждой звучала тихая но невыразимо прекрасная музыка.

Едва мелодия разнеслась по облаку, как дождь прекратился. Все капли бросились наверх, чтобы присоединиться к поющим. И люди внизу тоже закрыли зонты, задрали головы и стали смотреть вверх, на небо.

– Смотрите, смотрите, радуга! – закричали они.

– Да, мы радуга! – радостно сообщила капле соседка. – У нас получилось! Ты раньше когда-нибудь была радугой?

– Нет, ни разу!

– Ну, загадывай желание!

– Хочу... – воскликнула капля – Хочу узнать все-все-все на свете!

– Ты знаешь! – пообещала соседка. – Но для этого придётся пережить много приключений и превращений. Ты готова?

– Конечно готова!

– Тогда полетели!

ГЛАВА ВТОРАЯ. КАПЛИ ЛЕЯТ И БОЛТАЮТ О ПУСТЯКАХ, ПОКА НЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В...

Всю ночь и весь следующий день облако неторопливо летело на север. Поля внизу как-то незаметно исчезли, их сменили бескрайние леса, в которых ночью не горело ни огонька, а днём лишь изредка встречались извилистые реки. Вдоль речек, даже самых маленьких, расстилались широкие луга, так что с высоты казалось, будто леса отшатываются от рек в каком-то первобытном ужасе.

– Почему лес боится реки? – спросила капля свою соседку по облаку.

– Не знаю. Деревья ведь тоже любят пить воду. Почему бы им не расти у самого берега?

– Они бы с удовольствием росли! – вмешалась в их разговор другая, более опытная капля. – Да только реки не всегда такие спокойные, как сейчас. Весной они разливаются, живо подмывают корни деревьям, и уносят их вниз по течению! Я сама однажды оказалась в реке во время половодья – ух, как быстро мы летели!

– А почему реки разливаются?

– Потому что тает снег!

– Что такое снег?

При этом вопросе все капли в облаке тихо засмеялись.

– Скоро узнаешь! – пообещала соседка. – Думаю, уже этой ночью, если ветер не изменится.

Но ветер не собирался меняться. Он все дул на север, и к вечеру капли начали поёживаться от холода.

Под утро внизу показался большой город. Он был совсем не такой, как первый – дома большие и современные, улицы широкие и заасфальтированные, а на окраинах дымились трубы. Когда облако проплывало над одной из таких труб, в него бросилась целая гурьба весёлых разгорячённых капель.

– Эй, привет, что такие сонные? – кричали они. – А мы только что из бани! Нас берёзовым веником хлестали! Ух, как было весело!

– Что такое баня? – хотела спросить капля, и вдруг обнаружила, что лишилась дара речи. С ней происходило что-то непонятное: из облачка пара она превращалась в маленький белый скелетик, с шестью крошечными ножками, на которых стремительно росли красивые белые щетинки, как лучи в детском kaleidoscope.

– У, подруги, да вы уже снежинки! – закричали капли, прилетевшие из бани. – Ну с новым годом тогда! С лёгким паром! Ха-ха!

Капля (хотя, конечно, она уже была не каплей) оглянулась – и не поверила тому что увидела. Её теперь окружало несметное множество таких же снежинок, как она.

Таких же, да не таких!

У каждой из миллионов снежинок был свой, непохожий на другие, узор. У одной лучики разбежались во все стороны, у другой щетинились как ветки мха, у третьей были похожи на застывшие языки огня... И ни одна снежинка не повторялась, каждая застыла в неповторимом наряде. (Если вы до сих пор думаете, что все капли одинаковые, посмотрите в микроскоп на снежинки. Людям и не снилось такое разнообразие! Ни один художник на свете не сможет придумать столько узоров. А каждый наряд снежинки – это характер, это душа капли воды).

– Так вот мы какие на самом деле! – подумала капля. – Красивые и торжественные, мудрые и неторопливые! Как хотелось бы продлить это мгновение, остаться в снежном облаке!

Но ветер неожиданно стих, и облако остановилось. Раздался тихий мелодичный звон – это снежинки касались друг друга ледяными лучиками. А потом звон превратился в мелодию – в мелодию снегопада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ НА МОТОЦИКЛЕ РАССКАЗЫВАЕТ МАЛЬЧИКУ ПРО МАРСИАНСКИЙ НОВЫЙ ГОД

Снежинка (а на самом деле замёрзшая капля воды), медленно кружась и кувыркаясь, падала на землю. Иногда на лету она касалась других снежинок, и они, закрутившись, разлетались в разные стороны. Их танец продолжался и продолжался – казалось, они неподвижно висят в воздухе над городом.

– Как хорошо быть снежинкой! – думала капля. – Летишь себе беззаботно, красуешься в свете фонарей... Ой, а что это такое?

Из темноты вдруг вырвалась мохнатая лапа, схватила и прижала её к другим снежинкам, сгрудившимся между крепких смолистых игл. От лапы исходил приятный древесный запах, весёлый и праздничный. Лежать на этой лапе казалось совсем не страшно.

– Динь-динь! – звенели все новые снежинки, падавшие на мохнатую лапу и ложившиеся рядом с каплей. – Хрусть-хрусть!

Они тоже лишились дара журчания, только тихо позвякивали и похрустывали, так что невозможно было узнать, что происходит. Оставалось только ждать.

Ждать пришлось очень долго. Время как будто замёрзло, только лапа, на которой лежали снежинки, неспешно поднималась и опускалась под порывами ветра. Наконец наступил рассвет, и сквозь утренние сумерки начали проступать белые улицы и тротуары, на которых редкие пешеходы оставляли черные цепочки следов. Пробежала собака, изо рта у неё шёл пар. По улице проехала цепочка машин, сгребавших большими ковшами снег к обочине.

Неожиданно все задрожало и закачалось, а потом над снежинкой поднялась длинная лестница, по которой лез вверх человек. В руке у него серебрились красивые гирлянды, перепутанные с проводами и лампочками. Человек начал развешивать все это над снежинкой, стряхивая её подруг и обдавая лапу морозной пылью. Его дыхание было совсем близко, так что снежинка испугалась, что сейчас растает. Но человек прицепил фонарик на железной прищепке прямо рядом с ней, а потом куда-то исчез.

Прошёл ещё час, и на площади (над которой будто на удобном еловом балконе лежала снежинка) заиграла музыка.

Музыка была разная. Иногда нежная, так что снежинке хотелось растаять и превратиться в слезу. Иногда весёлая и простодушная, как молодые капли, которые в первый раз делают «фьють». А иногда – никакая. Просто музыка, чтобы прогнать другие звуки.

Но других звуков все равно становилось все больше, потому что внизу собиралась маленькая толпа замотанных в шарфы мальчиков и девочек. Потом музыку начал перекрикивать высокий женский голос, который что-то спрашивал у детей. «Дед-мо-роз!», – нестройным хором затянули детские голоса. Музыка, будто выпрыгнув откуда-то из глубокой пещеры, снова их заглушила, и над заснеженной площадью загремела песня про лесного оленя, по которому кто-то скачет и очень красивым голосом зовёт на помощь:

«Примчись, лесной олень, по моему хотению!»

«Умчи меня, лесной олень, в свою страну оленью!»

Песня звучала так призывно, что если бы снежинка была лесным оленем, она бы несомненно послушалась, прискакала бы и умчала неведомую певицу куда она хочет. Но вместо оленя на зов явился чёрный мотоцикл с коляской, вырвавшийся на площадь из соседнего переулка. За рулём восседал огромный человек в красном кафтане и колпаке с широкой белой бородой. Мотоцикл подпрыгивал и рыскал туда-сюда на обледеневшей дороге, а на его переднем

крыле красовалась увесистая хромированная фигурка оленя, которая дрожала, когда колесо подпрыгивало на ледяных буграх. Похоже, её свинтили с капота какого-то автомобиля.

– Ну что, Снегурочка, заждалась? – закричал мотоциклист, круто развернувшись на льду и чуть не въехав в основание ёлки.

– Хулиганишь ты, Дед мороз! – строго сказала женщина в синем платье (оказывается, это её голос слышала снежинка) – Осторожней техникой управляй! Дети кругом...

– Да я что... Да я же осторожно! Это олень у меня перепугался, никогда раньше города не видал...

– Оно и видно, что олень за рулём! – едко заметила Снегурочка. – Ну ладно, дед, глуши мотор, доставай детворе подарки.

Мотоцикл дёрнулся и замер, а красный человек, которого звали Дед Мороз, неуклюже вылез из седла и обернулся к детям.

– Эй! – воскликнул он. – А хорошо ли вы учились в школе?

– Хорошо! – неуверенными голосами закричали дети.

– Ну и молодцы! – ответил им Дед Мороз. – А то ведь тут какое дело... Говорят, на Луну и на Марс без образования не берут. Даже мне сегодня на орбитальной станции космонавты сказали: иди, старый, в школу, доучивайся, иначе в космос больше не полетишь! А как на Марсе без Деда Мороза?

– А там разве есть Новый Год? – удивлённо спросила Снегурочка.

– Конечно есть! Правда, приходит он на Марс реже, чем к нам. Марсианский Новый Год, раз в два земных Новых Года случается.

– Значит люди, если полетят на Марс, будут ждать праздника в два раза дольше?

– Ну, наверное, нет! – почесав в затылке, ответил Дед Мороз. Глаза его сделались мечтательными и задумчивыми. – Они, скорее всего, на первых порах будут и земной Новый Год встречать, как же иначе. Ну и марсианский будут тоже. А дальше, конечно, как получится. Какие праздники себе выберут, такие у них и будут.

От этих разговоров снежинки совсем притихли, они больше не звенели и не скрипели. И ветер стих. И музыка. В конце улицы со скрипом закрыл двери-гармошки автобус, проворчал по снегу шинами, и снова настала тишина. Дети тоже стихли – но по глазам было видно, что они уже представляют, как люди встречают на Марсе Новый Год.

– Много ты знаешь, Дед Мороз! – звонким голосом прервала паузу Снегурочка. – Зачем же тебе в школе учиться-то?

– Кто много знает, тому всегда знаний мало! – весело подмигнул Дед Мороз и поправил бороду. – А чтобы покорять другие планеты, надо знать все на свете! Как и что у нас на Земле устроено. Ты ведь не построишь дом, если не знаешь, как класть кирпичи. Не рассчитаешь путь ракеты, если не знаешь математики. И электричества не добудешь, если плохо физику учил. На Марсе все надо будет начинать заново, и наши земные знания там на вес золота пойдут.

– А сейчас у тебя, Дед Мороз, каникулы?

– Кому каникулы, а кому самая что ни на есть работа! – вздохнул Дед Мороз. – Хорошо, что работа у меня приятная – подарки детям раздавать.

– Так что же ты стоишь? – не выдержала Снегурочка, и снежинка, наблюдавшая за ней с еловой лапы, с удивлением заметила, что она дала Деду Морозу незаметного пинка. – Давай, старый дед, хватит про космос фантазировать, раздавай!

– Ой, да! – воскликнул Дед Мороз. – Что-то мы с вами заговорились, а мне же ещё по Земле много куда ехать. Все меня с подарками ждут. Хорошо, что на Луне сегодня никого нет, американцы вроде домой улетели... Ой! Да я сейчас... Ну, подходите по одному!

Немного пошатываясь, он вытащил из коляски внушительных размеров красный мешок, из которого стали появляться разноцветные коробочки, кульки, пакетики.

Они шли нарасхват.

Получившие подарки дети потихоньку расходились.

– Ой, мы совсем забыли! – вдруг воскликнула Снегурочка. – Надо же было ёлку зажечь!

– Ну что же ты! – с укором посмотрел на неё Дед Мороз.

– Так это ты забыл!

– Подумаешь! Дело поправимое. Раз-два-три... Ёлочка, гори!

– Они совсем с ума сошли! – подумала снежинка. – Они хотят поджечь эту лапу, на которой мы лежим! Мы же сейчас растаем!

Но ёлка не зажигалась.

– Дети, надо помочь Деду Морозу! – сказала Снегурочка. – Давайте все хором...

Для хора, конечно, голосов не хватало – под ёлкой оставалось пять или шесть детишек. Но они очень старались, и изо всех сил кричали вместе со Снегурочкой и Дедом Морозом: Раз! Два!...

На счёт «три» что-то сухо щёлкнуло, и лапа озарилась разноцветными бликами. К счастью, это был не огонь, а просто фонарики, которые зажглись здесь и там, внизу и вверх. Фонарик, который человек прицепил рядом со снежинкой, тоже вспыхнул, замигал, но через секунду лампочка в нем перегорела.

– Ну вот, – с облегчением сказала Снегурочка. – Теперь вроде все. А теперь...

Но тут ее голос заглушила музыка, которая грянула неведь откуда:

«Где сосны рвутся к небу,

Где бьёт живёт и небьёт,

Умчи меня туда, лесной олень!...»

Опять что-то щёлкнуло, и звук скрылся туда же, откуда пришёл, убежал в свою оленью страну. В тишине было слышно, как Дед Мороз пинает стартер мотоцикла, а тот ругается и не хочет заводиться.

После пятой или шестой попытки красный человек снял с головы колпак, содрал с лица белую бороду и обернулся к Снегурочке:

– А правда, прикинь, Людка, скоро люди заселят другие планеты, и актёрам придётся осваивать звездолёты, чтобы успеть туда на Новый Год. Мы даже представить не можем...

– Давай уже, езжай, Дед Мороз межгалактический. Не упадёшь?

– Не упаду.

Мотор наконец взревел, и, заложив лихой поворот на утоптанном снегу, красный мотоциклист помчался, подпрыгивая, через площадь.

Снегурочка тоже сняла с головы усыпанный блёстками кокошник, и из-под него выбилась волна красивых пшеничных волос.

– Мама! – закричал один из мальчиков. – Я знал, что это ты!

– Ну да, конечно я. Но ёлку-то мы зажгли, правда?

– Мам, да ну тебя! Я знаю, что снегурочки не существует. Но это же и не Дед Мороз был! Это дядя Лёня в маске! И с бородой! Я его знаю, он нам журнал «Америка» с «Аполлоном» и лунным модулем показывал!

– Дядя Лёня мечтатель, – мягко сказала Снегурочка. – А Дед Мороз и должен быть мечтателем.

– И пьяница, – добавил кто-то из ребят.

– Все мечтатели никчёмные пьяницы, так мой папа говорит! – выкрикнул другой.

– Твой папа дурак! – неожиданно сказал мальчик, и тут же получил удар кулаком в грудь. Не прошло и мгновения, как под ёлкой завязалась драка, которую Снегурочке пришлось активно разнимать, а ещё через минуту стайка ребяташек уже бежала через площадь к перулкам. Под ёлкой остались только двое, Снегурочка в помятом платье и маленький мальчик с подбитым глазом.

– Ну и зачем ты это устроил? – строго спросила Снегурочка, встав на корточки и прикладывая ледышку к щеке побитого мальчика. – Ты и в школе так всегда делаешь?

– Мам... Не в этом дело.

– А в чем?

– А в том, что я хочу увидеть, как это будет! Как люди полетят заселять другие планеты! – пробормотал мальчик и всхлипнул носом. Его душили слезы.

– Мечтать об этом мало. Надо что-то делать. Учиться, работать... А не молоть языком, как дядя Лёня.

– Нет, – угрюмо возразил мальчик. – Мечтать тоже надо. И говорить. Иначе все забудем, и станем только есть, пить да телевизор смотреть. Как наши соседи. Я так не хочу. Я лучше буду мечтать.

– И как же ты будешь мечтать? Тоже станешь всем рассказывать про космос?

– Нет. У меня есть волшебная сила. Я загадаю сейчас желание, и оно сбудется!

– Какое желание?

– Вот это. Про другие планеты. Пусть, если все сбудется, мне на руку упадёт снежинка.

– Откуда? – Снегурочка посмотрела на небо. – Смотри, уже солнце выглядывает!

– Вот буду тут стоять, пока не упадёт. Замёрзну, а дождусь.

– Ну что за глупости...

И в этот момент снежинка решительно отцепилась от ветки и полетела вниз. Она сама не понимала, зачем это делает. Не то чтобы ей так хотелось, чтобы мальчик не расставался со своей мечтой. Главное чтобы не замёрз, конечно...

– Ой, смотри! – воскликнула мама, указывая на неё.

Мальчик протянул руку в пёстрой вязаной рукавичке, и снежинка мягко спланировала прямо ему на ладонь.

– Да, снежинка! – последний раз шмыгнув носом, прошептал мальчик. – Вот!

Несколько мгновений снежинка лежала на влажной вязаной рукавице, и чувствовала, что делает что-то очень важное. А потом заметила, что её прекрасные лапки начинают исчезать. Она быстро таяла, и вновь превращалась в каплю воды.

– Ну ладно, пойдём домой! – услышала она, и уже почти не почувствовала, как мальчик взмахнул рукой, стряхивая её вниз, как приближается мёрзлая земля, как её водяное тело вновь превращается в холодный лёд.

Она упала в чей-то след на снегу и потеряла сознание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЕЙ ТУШАТ ПОЖАР

Все знают, что в северных странах вода зимою спит. Спят сугробы, спит лёд на реке. Даже в городе, на дорогах и площадях, где воду стараются разбудить, посыпая лёд крупной серой солью, чтобы он растаял, вода почти не просыпается. Она как будто не в себе, она становится грязной и мутной, и весной ей нужно много времени, чтобы привести себя в порядок.

Наша капля очнулась от долгого зимнего обморока среди других грязных и пыльных капель, которые молча и неохотно соединились на льду в маленькие лужицы. Лужиц становилось все больше, и вот уже они собрались вместе, чтобы куда-то потечь под лучами весеннего солнца.

По дороге капли прихватывали с собой на память о долгой зиме все что могли: горелые спички, бумажки, прошлогодние ёлочные иглы (наша капля сразу вспомнила о зимних приключениях и оглянулась, но ёлки на площади не было – наверное, её давно куда-то увезли и распилили на дрова). Наконец, медленные потоки слились в быстрый ручеёк, который стремительно поволок капли и весь собранный ими мусор куда-то вдаль, через площадь.

– Куда мы бежим? – спросила капля.

– Куда-куда... – прожурчал-проворчал ручей. – Как обычно, в канализацию.

– А что такое...

– Ух! – крикнул ручей, и, добежав до железной решётки, обрушился вместе с каплей вниз. Несколько кувырков через голову в темноте, и капля упала в подземный поток, который тащил вместе с мусором и обрывками бумаги миллионы таких же как она, одуревших от скорости течения капель. Среди них попадались совсем грязные, бурого или жёлтого цвета.

– Ты откуда, подруга? – спросила одна из них.

– Ну, я была на новогодней ёлке снежинкой, а потом упала на ладонь, а потом с ручейком попала сюда...

– Фу-ты, ну-ты, какая романтичная! – зафыркала коричневая капля.

– А ты откуда?

– Ой, лучше не спрашивай. Ну ничего, скоро пройдем сквозь землю, почистимся!

– Как это, почиститься об землю? Земля же грязная!

– Вовсе нет. Скоро сама поймешь.

Между тем течение потихоньку слабело, и скоро поток превратился в медленную подземную реку, которая никуда не спешила. Капли, одна за одной, прижимались к её берегам, и куда-то исчезали, будто их втягивало в невидимые пещеры. Это были поры земляных берегов, сквозь которые просачивается вода. Капля вдруг вспомнила, с какой жадностью смотрели в небо распаханное поля, когда она летела над ними в облаке. А теперь земля была совсем близко, и она все так же хотела пить, она втягивала в себя воду миллиардами невидимых ртов!

Но капля даже не успела толком испугаться, как одна из земляных пещерок всосала её в себя. Она была такая узкая, что капля с трудом протискивалась сквозь неё, обтирая боками шершавые стенки. Потом вдруг пещера кончилась, и за ней открылось бесконечное пространство с маленькими и большими неровными камнями, между которыми капле предстояло просочиться.

– Что это?! – ошеломлённо спросила она.

– Это песок! Песчинки! Давай, не бойся, сквозь него приятно течь! – воскликнула другая капля, скрываясь из виду в лабиринте между камнями.

Камушки сверху и снизу, слева и справа! И под ногами, и над головой! Ничего себе приключение.

Но, протискиваясь между песчинками, капля вдруг поняла, что значит почиститься об землю. Едва попав в песчаный лабиринт, она ощущала, как неровные пористые камни будто щётки счищают с неё всю грязь, вбирают в себя неприятные запахи. Не прошло и нескольких часов, и она стала абсолютно чистой, такой же как в первый день, когда попала в облако.

Однако песчаный лабиринт все не кончался. Капля текла через него день за днём, ночь за ночью (хотя под землёй, конечно, совсем не важно, день или ночь), и уже почти забыла, как выглядит солнце и свет. Её небом теперь был толстый слой глины, нависавший над песчаным лабиринтом. И такой же непроходимый слой глины был внизу. Только между ними можно было двигаться, и, огибая песчинки, течь куда-то вдаль.

– Это водоносный слой! – объяснила однажды капле её попутчица. – Мы можем течь по нему тысячи километров, как по подземной реке. Но потом мы куда-нибудь доберёмся, может в обычную реку, а может и в море...

Капля уже не верила, что когда-нибудь выберется из темноты, но все-таки послушно текла вместе со всеми, не теряя надежды. И вот в один прекрасный день (и это определённо был день, а не ночь!) она заметила, что грани мелких камушков начали почти незаметно светиться. Свет становился все ярче, и вдруг песчинки будто подхватило вихрем, они разбежались во все стороны, и капля выплыла в роскошный круглый зал, освещённый слабыми лучами дневного света.

Вокруг стояла торжественная тишина.

Это было очень загадочное место: отвесные стены, уходившие куда-то бесконечно далеко вниз, романтично задекорированы водорослями, а наверху сияло аккуратное круглое белое пятно, бросавшее блики света на зеркальную поверхность воды.

– Где я? – спросила капля, и ей показалось, что все капли вокруг повторили вопрос: «Где я, где я...»

Круг воды шевельнулся, и по нему пробежала почти невидимая рябь.

– Колодец. Очень старый. И очень чистый, – тихо сказал чей-то голос.

– Колодец?

– Колодец, колодец... – откликнулось эхо.

– Тут нужно разговаривать в пол-голоса! – прошептала ближайшая к ней капля. – Иначе со стен упадёт какая-нибудь пылинка, и испортит воду.

– А её пьют люди?

– Её давно никто не пьёт. Это заброшенный колодец. Я даже не помню, когда в него последний раз опускали ведро.

– Зачем же вы бережёте его чистоту?

– Разве ты не понимаешь? Это ведь чистота. Её надо беречь. И хорошо, что люди о нас забыли. Варвары! Они только мутят воду.

– А можно вы немного подвинетесь, и я поднимусь туда, наверх, к свету? Я так соскучилась по свету! – жалобно прошептала капля.

– Что за глупости? Даже не думай. Поднимешься к поверхности, и испаришься! Фьють! Поминай как звали.

– Где-то я это уже слышала, – подумала капля. – Наверное они тут совсем не желают ничего менять в своей жизни, как глубокие донные воды.

Она хотела возразить соседке, объяснив, что испариться и путешествовать – это совсем не страшно, как вдруг в колодце раздался неприятный вибрирующий звук. Он нарастал и нарастал, так что вода начала ходить ходуном, и на поверхности образовались стоячие волны. Потом звук внезапно прекратился, но круг света заслонила чья-то тень.

– Люди! – прошептала соседка, и быстро потекла на дно колодца, увлекая за собой нашу каплю. Но было поздно. Мимо них пролетело огромное ребристое серое тело, похожее на змею, и вода в колодце будто сошла с ума, закружилась и завертелась, всасываемая исполинской силой в горло этой змеи. С такой скоростью капля ещё никогда не плавала. Она ахнуть не успела, как взлетела куда-то наверх, и попала в тёмную железную тюрьму, от стен которой пахло машинным маслом.

Взревел мотор, и вертикальное движение сменилось горизонтальным – воду куда-то везли. Причём везли очень быстро, так что каплю швыряло во все стороны. А ещё над головой раздавался пронзительный звук, хуже которого капля ничего не слышала, будто кто-то мучает тысячу кошек, наступая им на хвосты.

Десять минут езды по ухабам, железный скрип тормозов – и такой же вихрь, какой вырвал каплю из глубины колодца, подхватил её и понёс внутри гофрированной змеи.

Это было стремительное движение, но капля успела заметить, что голова змеи на этот раз сужается, и скорость движения воды стала просто сумасшедшей. А в следующую долю мгновения произошло очень много событий, которые она запомнила на всю жизнь.

Сначала она увидела свет, и этот свет был багрово-красным.

Потом невидимая сила бросила её к этому свету.

Подлетая все ближе, капля разглядела, что летит в пламя бушующего пожара. И тут она поняла все. Пожарные, которые тушили водой из колодца горящий дом, направили её прямо в окно, где уже полыхали занавески. А за занавесками плакала маленькая девочка, которую огонь отрезал от выхода.

– Вот тебе, проклятый огонь! – успела подумать капля, и вместе с другими каплями ударила в кровавые языки пламени.

Это было больно, очень больно. Огонь обжёг её и мгновенно превратил в пар. Но в следующую секунду, уже поднимаясь к небу лёгким облачком, капля успела увидеть, как огонь зашипел и исчез, выплёвывая с досады в окна клубы чёрного дыма, а самый смелый из пожарных запрыгнул в окно и вынес девочку из огня.

Капля летела в небо, и хотя её воздушное тело хранило боль от прикосновения к пламени, на душе было радостно и легко.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ГРОЗА

Если тебя обожгло огнём, ты уже никогда не будешь прежней, даже если ты капля воды.

– Теперь я знаю, – думала капля – что жизнь бывает медленной и быстрой. Можно долго долго ждать приключений, а когда они вдруг начнутся, ты и «ах!» не успеешь сказать. А можно беречь свой покой, как те капли в колодце, а все равно придёт кто-нибудь и потушит тобой пожар. Никогда не знаешь, какая сила начнёт тобой управлять...

– Привет! Ты с земли, с пожара? – окликнула её нижняя капля из облака, к которому она летела.

– Да! Кажется, огонь потушили, и спасли маленькую девочку!

– Вот и хорошо! Мы тут хотели пойти дождём, все кто может бросились вниз, да только ничего не получается...

И правда, по облаку было видно, что капли старались. Оно было насквозь пронизано белыми дорожками, следами их движения. Брюхо у облака стало почти фиолетовым от едва сдерживаемого дождя, но оно почему-то терпело и не спешило проливаться на землю.

– А чем это у вас тут пахнет? – с тревогой спросила капля.

Действительно, облако издавало странный запах. Не то чтобы неприятный, скорее даже наоборот. В этом запахе была бодрость, как в чашке утреннего кофе. Нет, как в тысяче утренних чашек кофе! А это, пожалуй, уже немного чересчур...

– О, боже! – воскликнула капля с нижнего края облака. – И правда! Эй, ребята! Не двигайтесь! Мы, кажется...

Но было уже поздно.

В глубине облака ярко вспыхнула молния, и раздался оглушительный удар.

– Что это?

– Гроза, гроза! Спасайся кто может!

Капли одна за другой в отчаянии начали выпрыгивать из облака, сливаясь в такие плотные ливневые потоки воды, что им позавидовал бы любой пожарный брандспойт. Все спешили улететь подальше от молнии. Ведь самый страшный враг воды – не огонь, а электричество. Огонь, конечно, может напугать, обжечь, превратить в пар. Но из пара капля возрождается. А вот электричество уничтожает капли насовсем, разрывая на два газа – кислород и водород. Кислород вдохнёт какая-нибудь собака или лягушка, а лёгкий водород умчится наверх, к границам земной атмосферы. И все, докапалась.

А нашу каплю как раз несло восходящим потоком наверх, навстречу молниям. По её воздушному телу плясали злые голубые огоньки, и сама она чувствовала себя очень странно – как будто в неё вселилась какая-то безумная сила. Капли, летевшие сверху вниз, в ужасе шарахались в стороны.

Так продолжалось несколько долгих секунд, и вдруг облако кончилось. Капля выскочила из него как пробка из воды, и со всех сторон её омыл ослепительный солнечный свет. Повисев над облаком всего мгновение, она плавно опустилась на его верхний, светлый край, где с комфортом расположились другие капли в белоснежных водяных рубашках. Но едва она приблизилась к ним, капли бросились врассыпную.

– Стой! Не приближайся! «Минус» или «плюс»? – закричала одна из них.

– Что? – не поняла капля.

– Заряд у тебя какой? Положительный или отрицательный?

– Я не знаю...

– А... Кажется, положительный. У нас тоже. Ну ладно, значит ты нам не страшна. А то, знаешь, прилетают сюда всякие...

– А что значит «заряд»?

– Это электричество! Из-за зарядов у нас и началась гроза. Одни капли бегут по облаку вниз, другие наверх, и от этого, как в динамо-машине, получается электричество. Они заряжаются. На одни налипают положительный заряд, на другие отрицательный. А потом они встречаются, и – бабах! Молния, гром. Поэтому не надо суетиться. Лежи себе спокойно, и никакой грозы не будет. Но нас же никто не слушает!

Ворчливая капля, похоже, собиралась прочесть длинную нотацию по поводу суетливых капель, из-за которых возникают все проблемы (и наша капля невольно вспомнила и донные воды, и стоячие воды в колодцах, которые тоже вот так ворчали на неё), как вдруг соседка осеклась и в ужасе замолчала. Капля обернулась, чтобы посмотреть, что случилось, и похолодела.

Откуда-то из фиолетовой тьмы снизу к ним стремительно приближался огненный шар. Он подлетел совсем близко и с жужжанием завис в неподвижном воздухе.

– Тихо! Не шевелись! – приказала соседка.

Шар секунду повисел совсем рядом с ними, источая тот самый резкий и бодрый запах, который капля заметила подлетая к облаку. Он был похож на маленькое солнце, но весь покрыт страшными, будто бы живыми прожилками и выпуклостями, похожими на перекачивающиеся мускулы, словно там, внутри, шла отчаянная борьба невидимых огненных борцов. Прошло ещё мгновение – и шар вдруг сорвался с места и стремительно полетел к земле. Через секунду внизу раздался взрыв, и все затихло.

– Ух! Пронесло...

– Что это было? – спросила капля.

– Шаровая молния. Самая страшная молния на свете. Она может проглотить тебя в мгновение ока.

– А откуда она берётся?

– Никто точно не знает. Говорят, это призраки погибших в грозе капель.

– Как страшно! – прошептала капля.

– Да. Но когда появляется шаровая молния, значит гроза закончилась. Все, можно расслабиться! Давай посмотрим, что там, на земле?

Они подлетели к краю облака и посмотрели вниз.

Внизу уже расстился бесконечный лес. Он весь дымился туманом от только что прошедшей грозы, и было видно, как миллионы капель, отсидевшись на земле и на листьях деревьев, распускают свои паровые рубашечки и направляются обратно в небо, к облаку.

Но над лесом поднимался не только водяной пар. В нескольких местах клубилось что-то чёрное, и сквозь ветки были видны языки огня.

– Пожары! Это молнии подожгли лес! – догадалась капля. – Эх, мы! Хотели потушить один пожар, а устроили ещё десять! – с горечью думала она. – Ну почему так получается?

Пожары внизу разгорались все сильнее, а запасы дождя в облаке давно иссякли, и других дождевых туч не наблюдалось до самого горизонта. Над лесом метались встревоженные птицы, а лесное зверье – белки, зайцы, лоси и кабаны – в панике бежало прочь, ломая подлесок.

– Хорошо хоть ветер нас отнёс от города, а то бы молнии дома подожгли! – воскликнула капля.

– Это вряд ли, – ответила соседка. – Дома обычно молний не боятся, на них люди ставят железные громоотводы, чтобы молния по ним уходила прямо в землю. Люди вообще не боятся электричества, они его приручили. Электричество им дома освещает и поезда возит, и в разной технике тоже живёт...

– И шаровой молнии они не боятся?

– Шаровой молнии боятся все! – назидательно сказала ворчливая капля. – Как бы ни были умны люди, со стихией им не совладать!

И тут, словно чтобы ей возразить, с неба раздался басовитый гул. Огромный серебристый самолёт облетел облако и направился вниз, к горящему лесу, прижимаясь почти к макушкам деревьев. В фюзеляже открылся люк, и точно на пламя обрушились потоки воды. Минута – и с лесным пожаром было покончено. Сделав ещё круг, чтобы убедиться, что где-нибудь не прячется тлеющая головёшка, самолёт качнул крылом и улетел прочь.

– Вот это да! – восхитилась капля. – Все-таки люди молодцы! Они опять победили огонь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ РАЗНЫЕ КАПЛИ ДЕЛЯТСЯ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИМИ ИСТОРИЯМИ

И снова наступили медленные дни.

Ветер неспешно гнал облако на восток, и теперь, после грозы, оно стало белым и пушистым – кучевым. Все капли в нем вели себя просто образцово. Они старались двигаться плавно, не делать резких движений, разве что иногда, особенно на закате, изображали в небе облачные картинки – воздушные замки, летучих рыб, бородатых богатырей. Но смотреть на эти картинки было особенно не кому – внизу, день за днём, на многие сотни километров расстился непроходимый лес без поселков и городов. Тайга.

От нечего делать маленькие небесные странники развлекались разговорами. Ведь у каждой капли в облаке накопилось множество интересных воспоминаний, и теперь, во время долгого воздушного путешествия, они были не прочь поделиться своими историями.

– Давайте рассказывать, кто как выпадал из круговорота воды! – предложила одна из капель, удобно расположившись на пушистом гребне облака.

– А что такое круговорот? – спросила наша капля.

– Круговорот воды в природе! Как же ты не знаешь? Ты что, новенькая?

– Ну, можно сказать и так...

– Ладно, если в двух словах, это наша дорога. Дорога каждой капли из океана и обратно. Каждая капля проходит её много-много раз. И сейчас мы как раз в середине такого круговорота. Может быть, мы упадём в реки, и они вынесут нас к морю, а там и в океан. Или попадём в землю, протечём с грунтовыми водами до реки, и тоже отправимся к морю. А потом снова испаримся, попадём в облако, и так далее...

– Понятно! Но ведь можно же попасть в какой-нибудь колодец, и застрять там надолго?

– Вот-вот! Ты уже была в колодце?

– Была, но совсем чуть-чуть, мною потушили пожар, и я попала к вам, сюда...

– Понятно. Но есть капли, которые не были в океане сотни лет. Есть здесь такие?

– Есть! Есть! – раздались крики из разных концов облака.

– Тогда расскажите нам свои истории.

Дважды предлагать не пришлось. Всем не терпелось рассказать о своих злоключениях.

– Я капля-каменщица, – начала первая капля. Мы, рабочие капли из пещер, вообще не стремимся в океан. У нас другие заботы. Мы точим камень. Для этого нужно быть очень терпеливой и целеустремлённой. Вы, наверное, знаете поговорку: «Капля точит камень не силой, а частотой падений», так вот это – про меня! Обычно в пещеру вода просачивается сверху, вместе с дождями, и я так в первый раз попала туда много столетий назад.

В большинстве пещер капли не задерживаются надолго: кап! – и вливаются в ручеёк, который бежит к выходу. Но у меня была особая пещера: внизу тепло, а потолок почти всегда холодный. Лужицы на полу испарялись, я вместе с другими каплями поднималась вверх, оседала на холодном потолке, и снова капала вниз. И так тысячи раз! Именно поэтому нам удалось создать в нашей пещере настоящий шедевр. Мы выгачивали в каменном полу красивые глубокие чаши, мы снимали с потолка серебристые кристаллики соли и перетаскивали их на свисающие почти до самого пола сталактиты, длинные белые каменные колонны, растущие столетие за столетием. Боже, как это было красиво! Мы построили настоящий дворец. Жаль только, что в пещеру не проникал солнечный свет, и некому было увидеть всю эту красоту.

Но однажды туда пришли люди – и все изменилось. Сначала они светили повсюду своими фонариками, восхищались нашей работой и ахали от удивления. Мы были очень горды, что

кто-то наконец оценил наш труд. Но потом людей стало больше, и они начали обустривать все по-своему. Нарубили в полу ступеней, повесили фонари, расширили вход в пещеру. Поставили какой-то киоск, чтобы брать деньги с заезжих туристов. Каждый день поток галдящих любопытных людей все увеличивался. Они сверкали вспышками фотоаппаратов, нагревали воздух своим горячим дыханием, а от их хохота содрогались стены. И вскоре вся наша работа пошла коту под хвост: сталактиты начали трескаться и падать, каменные чаши пересохли, а потолок стал слишком тёплым, чтобы охлаждать пар. Нам больше не было места в нашем уютном мире, люди выгнали нас из пещеры и разрушили наш дворец. Вот так я оказалась здесь.

– Какая печальная история! – хором воскликнули другие капли. – Тысячи лет работы, и все напрасно!

– Да, люди бывают очень жестоки, хотя не ведают, что творят, – со вздохом сказала одна из капель. – Мы для них просто вода. Они даже не задумываются, что сами по большей части состоят из воды...

– В человеке девяносто процентов воды! – вставила своё слово одна маленькая капля.

– Ха-ха! Ну нет, не девяносто. Девяносто – это в арбузе. Даже в самом толстом, как арбуз, человеке – всего лишь шестьдесят процентов воды, но это тоже очень много.

– А меня однажды человек выпил! А потом вспотел, и я из него убежала!

– А меня вскипятили в чайнике!

– А меня залили в паровоз! И я делала ту-ту! А потом вот так – ууууу! И вылетела из гудка!

– Ладно, ладно! Хватит о людях! – остановила общий гвалт капля с гребня облака. – Кто ещё выпадал из круговорота воды надолго?

– Я выпадала, – призналась одна из капель, висевшая на краю облака. – Правда, тоже не без помощи людей. Меня поймали и на пятьсот лет посадили в клепсидру. Это такие водяные часы, в которых надо капать из одной колбочки в другую. А потом их переворачивают – и капашь обратно, отсчитывая секунды. Боже, какая это была скучная работа! С ума можно сойти.

– Да, работа – это скучно! – хором закричали другие капли.

– И вовсе нет! – с возмущением воскликнула капля из пещеры. – Если знаешь к чему стремишься, работать очень весело. Вот я точила камень...

– Я тоже сначала хотела проточить стекло клепсидры, – вздохнула рассказчица. – Но оно было очень крепким. Через сто лет я смирилась, и даже помутнела от горя. Клепсидру переворачивали и переворачивали, год за годом, век за веком, так что я уже запуталась, где верх, где низ. Люди и правда бывают так жестоки...

– Люди сами ходят на работу и страдают! – философски заметила одна из капель.

– Не все. Дети не ходят.

– Дети ходят в школу и в детский сад, это тоже работа!

– И вовсе нет! Они даже в школе и в детском саду умеют веселиться. Не хуже чем мы! Дети прыгают под дождём и по лужам. Они не похожи на взрослых людей, они вертятся как капли...

– Тихо! Не перебивайте! – снова остановила всех капля на гребне облака. – Так что же было дальше? Как ты выбралась из этой, как его... Клепсидры?

– Удивительное дело, – улыбнулась капля из водяных часов, – но именно дети мне и помогли. Вернее, один шаловливый мальчик. Он пробежал мимо, и случайно задел стол, на котором стояла моя стеклянная тюрьма. Она упала, и стекло разбилось. Пришла уборщица, и вытерла разлившуюся воду грязной половой тряпкой...

– Фу! – поморщились многие капли.

– Может быть и «фу», но после пятисот лет заточения в стерильном стекле, где не было вообще никаких запахов, половая тряпка показалась мне букетом сирени! – стыдливо призна-

лась капля из кляпсидры. – Ну а потом тряпку высушили, и я поднялась в облако, очистившись от всех земных запахов...

– А мальчику, наверное, влетело, – озабоченно заметила её соседка.

– Наверняка. Но, надеюсь, его наказали не слишком сильно.

– Итак, – подвела итог капля, летевшая на пушистом гребне облака, – ты провела в заточении пять веков. Ты измеряла время. И как считаешь, пять веков – это много или мало?

– Не знаю, – ответила капля из кляпсидры. – Когда ты заточена в стекле, пять веков – огромный срок. Протискиваясь в узкий перешеек между двумя колбочками, ощущаешь, как идёт время. Но когда вырываешься на свободу, «пять сотен лет» – это просто слова. Я думаю, время идёт лишь для тех, кто в темнице. Для тех, кто свободен, времени не существует.

Услышав эти слова, все капли замолчали и задумались.

– Хорошо, что природа создала воду свободной, – сказала через минуту одна из капель. – Мы умеем всюду просачиваться, перетекать, превращаться в пар. Буьтыли, в которых нас хранят, разбиваются, стальные цистерны ржавеют и превращаются в прах. Из любой тюрьмы на земле вода способна устроить побег. Разве существует в мире сила, способная удержать нас на месте чересчур надолго?

– Да, – раздался тихий голос с нижнего края облака. – Такая сила есть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПРО ВЕЧНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ ВОДЫ. НУ, ПОЧТИ ВЕЧНОЕ

– Меня не было в круговороте пятьдесят миллионов лет, и я прекрасно помню существ, которых вы теперь называете динозаврами, потому что видела их как будто вчера, – начала свой рассказ капля с нижнего края облака. При этих словах время будто остановилось. Кажется, и ветер стих – такая тишина наступила вокруг.

– В те времена и земля, и вода были совсем другими. Гораздо теплее и приветливей. И быстрее. Нынешний круговорот воды, когда вы годами возвращаетесь в океан, идёт просто с черепашьей скоростью, уж поверьте. Тогда все было иначе. Не успеешь добраться до моря, и бах! – ты уже снова в туче, а её несёт к суше ураганом. А потом – гроза и ливень. Ну и грозы в те времена были – не чета нынешним! Одной молнией могло испепелить целый лес. Шаровые молнии носились как птицы, только вот птиц тогда ещё не было, зато в воздухе висели гигантские стрекозы и другие летающие насекомые, по сравнению с которыми нынешние птицы кажутся мелкими мошками.

Упав из облака с дождями, мы, капли, попадали в бурные потоки, и неслись с головокружительной скоростью. Даже маленькие ручьи в те времена были полноводны, как нынешние реки. А про реки нечего и говорить – таких широких и могучих рек на нынешней земле просто нет. И мы возвращались по ним, дорогой перемалывая своим движением каменные горы, протачивая в них ущелья, превращая камни в песок. Мы, – привет тебе, капля-каменщик из пещеры! – не строили замки в уголках подземелий, мы создавали целый мир.

Некоторые из нас, кто был посмелее, звали меня на Север. Там назревало что-то серьёзное. Они рассказывали про могучие ледники, которые скоро сойдут с места, будут ворочать и обкатывать камни. Вот это было бы действительно круто! Мы были романтичны, мы мечтали о великих переменах.

И я согласилась.

Мы поднялись в облако, которое летело на Север.

Сначала все шло хорошо, и наш воздушный корабль стремительно мчался в холодные широты. Мы пробирались к нижнему краю облака, готовясь при виде ледника превратиться в снежинки и десантироваться на самый его край. Но наступил вечер, а ледник все не появлялся. В темноте трудно было разобрать, что там внизу – а падать в холодное море или на землю никто из нас не хотел. Оставалось лишь ждать и надеяться на удачу. И когда на горизонте появилась тонкая полоска рассвета, мы увидели внизу бесконечное поле льда. Мы и представить не могли, насколько далеко ветер унёс нас от края ледника, но размышлять об этом было поздно – и одна за другой мы прыгнули вниз.

Это был мой последний полет на миллионы лет, и я прекрасно помню, как торжественно и плавно единым снегопадом мы падали на ледяное поле. Мы чувствовали себя исполинской силой, от которой зависит все в этом мире. Так и было: миллиарды тонн воды способны сточить высокие горы, напоить многие гектары лесов, управлять морскими течениями... Вот только с холодом, который сковывал нас, мы ничего поделать не могли. Но мы были уверены, что это не надолго: пройдут месяцы или годы, и ледник содрогнётся, двинется на сушу, а мы будем направлять и ускорять его движение, вгрызаясь в землю и гранит. Ради этого можно немного подождать в холодном плену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.